

HARLEQUIN®

029

Аманда Маккейд
**ТРИДВОРНАЯ
РОЗА**

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Аманда Маккейб

Придворная роза

«Центрполиграф»

2012

Маккейб А.

Придворная роза / А. Маккейб — «Центрполиграф»,
2012 — (Исторический роман – Harlequin)

Судьба не была благосклонна к Селии. Джон Брэндон, тот, кого она так страстно любила, исчез из ее жизни внезапно и бесповоротно. Прежде богатые родители расплачивались за ошибки сына, который довел семью до разорения. Селию выдали замуж за Томаса Саттона, грубого и жестокого человека. Несчастливая женщина благодарила Бога, когда ее супруг скончался. Прошло три года с тех пор, как исчез ее любимый, и вот при дворе королевы Елизаветы молодая вдова Селия Саттон вновь встретила Джона Брэндона. Его полный желания взгляд сказал ей, что она не забыта. Селия не могла и не хотела простить Джона, но ее оскорбленное, истерзанное сердце вновь заговорило о любви...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Аманда Маккейб

Придворная роза

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Уайтхолл, декабрь 1564 года

Это был он! Почувствовав внезапный приступ головокружения, Селия Саттон оперлась рукой об обшитую панелями стену приемного зала королевы. Ее обступала плотная толпа – колышущееся море расшитого драгоценными камнями бархата и узорчатого атласа загораживало обзор. Наполнявший комнату нервный смех и оживленный говор людей, нетерпеливо ожидавших момента, когда можно будет обратиться к королеве с петициями, показался Селии птичьим клеточком, бессмысленным гулом.

Она провела рукой по глазам и, встав на цыпочки и вытянув шею, взглянула снова. Но его высокая фигура уже не маячила у дверей. Он исчез вместе со своей беззаботной усмешкой.

Скорее всего, его вообще тут не было, и это просто проделки ее воображения. Селия не выпалась этой ночью, засиделась на рождественском пиру. И у нее слишком много изнурительных забот. Утомленный мозг сыграл с ней шутку. Только и всего.

Но все же – он выглядел таким настоящим.

«Это не он», – прошептала Селия.

Джон Брэндон исчез. Она не видела его уже больше трех лет – трех очень долгих и тяжелых лет – и никогда не увидит снова. Более того – она и не *желала* его видеть, боялась, что в ней снова проснется глупая девчонка, которой она когда-то была, а ей так хотелось забыть о своей жалкой слабости к его смазливому лицу. А именно сейчас Селия должна быть сильной.

Она отступила от стены и глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Вскоре королева придет за ней, и тогда ей понадобится весь ее ум. Ее будущая жизнь зависит от этой встречи. Отныне Селия Саттон смотрит только вперед, а не оглядывается на прошлое. На Джона Брэндона, например.

Но все же мелькнувшая в толпе худощавая мускулистая фигура – или это было видение? – отпечаталась в ее мозгу и отозвалась учащенным биением сердца. И несмотря на пылающий огонь в каминах и то, что она одета в теплое черное с лиловым бархатное платье, отороченное мехом, Селия задрожала.

Ее окружали люди, чьи лица выражали отчаяние и надежду – они видели свой последний шанс в том, чтобы привлечь внимание королевы. Неужели и на ее лице написано такое же выражение? Селия боялась, что так и есть. Что сказал бы Джон, увидев ее сейчас? Да и узнал бы он ее?

Наконец распахнулась дверь, ведущая в личные покои королевы, и все головы повернулись в ту сторону. Каждый надеялся, что сейчас выкликнут его имя. Но надежды не оправдались – это были Антон Густавсон и лорд Лэнгли, которые вышли от королевы. И взволнованный гул снова пробежал по толпе.

Поймав взгляд Антона, Селия похолодела. Он был ее шведским двоюродным братом, связь с ним надолго оборвалась. Теперь он прибыл в Англию, чтобы предъявить права на дедушкино поместье Брайони-Мэнор. Это поместье было последней надеждой Селии на благополучную, независимую жизнь, в которой ей не пришлось бы выполнять прихоти жестокого деспота. Но, наблюдая, как Антон очаровывает королеву, а заодно и остальных придворных дам, Селия совсем потеряла надежду. Поместье достанется ему, а она будет брошена на милость семейки покойного мужа.

Антон настороженно кивнул ей, она присела в ответ. Он был единственным ее родственником, больше у нее никого не осталось, но она совсем его не знала и не испытывала к нему никакого доверия. Это был один из уроков, преподанных ей Джоном Брэндоном, – никогда не доверять людям, основываясь на их внешности или на собственных эмоциях. Всегда быть начеку.

Последняя пассия Антона, золотокудрая Розамунд Рэмси, подошла к нему и нежно при-
тронулась к его руке. Он улыбнулся ей, и они с обожанием уставились друг на друга, словно
кроме них никого не было в громадном зале. Наблюдавшую за ними Селию охватила тоска.
Когда-то она точно так же смотрела на Джона, уверенная, что и он ощущает связывавшую их
огненную нить... Но в конце концов ее постигло разочарование.

Она поскорее отвернулась от влюбленной пары и сделала вид, что рассматривает слож-
ный узор на гобелене, покрывавшем стену. Но яркие зеленые и алые шелковые нити расплы-
лись перед глазами, и Селия вспомнила тот давно минувший летний день. В безоблачном
лазурном небе сияло горячее солнце, зато под древним дубом, где она ждала его, было про-
хладно и сумрачно. Ждала, предвкушая его поцелуи и объятия сильных рук... Но он так и
не пришел, хотя совсем недавно намекал на их совместное будущее. Животворящее солнце
зашло, и остались лишь холодные унылые тени.

«Это был не он», – яростно сказала себе Селия. Его нет здесь.

Двери распахнулись снова, и на этот раз в них появился мажордом королевы. Над толпой
повисла напряженная тишина. Селия обернулась, поспешно вытирая глаза. Вот уже три года,
как она не плакала. Не стоило начинать и теперь.

– Мистрис Селия Саттон. Ее величество примет вас, – объявил слуга.

На Селию обратились взгляды, полные едкой зависти, но она, не замечая их, медленно
вышла вперед. Нельзя допустить, чтобы воспоминания о Джоне Брэндоне даже на мгновение
заставили ее расслабиться. Он и так отнял у нее слишком многое.

За дверью на стене висело маленькое зеркало, и Селия поймала в нем свое отражение.
Черный чепец на гладко причесанных темных волосах, высокий меховой воротник платья,
гагатовые серьги в ушах. Но в глубоком трауре по мужу, она не могла оплакивать его от чистого
сердца.

Он волнения лицо ее сделалось белым как мел, подобно лицам остальных просителей
в зале, лишь воспоминание о давно минувшем летнем дне оставило на щеках яркие пятна.
А в серых глазах сверкали готовые пролиться слезы. Селия усилием воли удержала их и, сце-
пив руки, последовала за мажордомом во внутренние покои королевы. Здесь тоже было мно-
голюдно, но атмосфера царила более непринужденная, а в разговорах отсутствовала нервоз-
ность, характерная для приемной.

На низких скамеечках и пуфиках вокруг мраморного камина сидели за вышивками фрей-
лины в светлых шелковых платьях и негромко переговаривались и смеялись. В углу играли в
карты хорошенькие пажи и бросали нескромные взгляды на дам.

Однако фаворита королевы Роберта Дадли нигде не было видно. При дворе поговоари-
вали, что после недавних тревожных событий – попытки покушения на жизнь королевы – он
день и ночь трудится, чтобы обеспечить безопасность дворца. Бросалось также в глаза отсут-
ствие личного секретаря Елизаветы лорда Берли, крайне редко покидавшего свою повелитель-
ницу.

Королева Елизавета сидела у окна за столом, заваленным прошениями. Бледные лучи
солнца, пробивавшиеся сквозь толстые стекла, зажгли ее золотисто-рыжие волосы огненным
ореолом, зарумянили белое, как слонобая кость, лицо. На королеве была роскошная мантия
из малинового бархата, отороченная мехом горностабая, а под ней платье из золотистого шелка,
на пальцах и в ушах сверкали рубины, волосы покрывала жемчужная сетка. Она выглядела
юной и солнечной, но темные глаза смотрели мрачно, губы были сложены в жесткую складку
– видимо, события последних дней не прошли для нее даром.

Селия слышала, что не только эти жуткие происшествия угнетали королеву. В Уайтхолл
прибыли посланники из Австрии и Швеции с настойчивыми брачными предложениями. Испа-
ния и Франция вели себя враждебно. А северная кузина королевы Мария Шотландская терно-
вым шипом впиалась в королевский венец. Думая об этом, Селия была почти готова признать

свои проблемы просто ничтожными. По крайней мере, на ее жизнь, как и на ее руку, никто не покушается!

– Мистрис Саттон, – обратилась к ней королева, – боюсь, вам пришлось долго ждать.

Селия присела в глубоком реверансе и затем приблизилась к столу. Елизавета постучала длинными белыми пальцами по бумагам, и камни в ее кольцах вспыхнули.

– Я очень признательна, что ваше величество нашли время принять меня.

Елизавета слегка махнула рукой:

– Возможно, вы не будете так признательны, когда услышите то, что я собираюсь сказать, мистрис Саттон. Присядьте.

Лакей проворно подбежал с табуретом, и Селия с благодарностью опустила на него. Ею уже овладело тягостное предчувствие, что этот разговор пройдет далеко не так, как она всей душой надеялась.

– Речь о Брайони-Мэнор, ваше величество?

– Да. – Королева взяла в руки свиток. – Совершенно очевидно, что ваш дед желал передать это поместье матери мастера Густавсона, а потом и ему самому. Мы не можем это оспорить.

Селия почувствовала, как ее обдало холодом, – разочарование и гнев, которому нельзя было дать выхода, снова заставили ее задрожать. Если она не может жить в Брайони, то куда ей деться? Где ее дом?

– Да, ваше величество.

– Мне жаль. – В голосе Елизаветы, кажется, прозвучало искреннее сочувствие. Она даже употребила местоимение «мне» вместо официального «нам». – В юности у меня тоже не было своего дома. Вообще не было места, где я могла бы чувствовать себя в безопасности. Все, чем я пользовалась, принадлежало кому-то еще – отцу, брату, сестре. Вся моя жизнь зависела от их прихоти.

Селия с удивлением взглянула на королеву. Елизавета говорила с ней о своем тяжелом прошлом! Почему именно с ней?

– Да, ваше величество.

– Я понимаю, что вы сейчас испытываете, мистрис Саттон. Мне даже кажется, что между нами есть что-то общее. И поэтому я решила попросить вас оказать мне важную услугу.

Попросить? Или же потребовать?

– Я, разумеется, сделаю все, что смогу, чтобы услужить вашему величеству.

Елизавета снова забарабанила пальцами по бумагам:

– Вы, конечно, в курсе слухов, которые ходят о моей кухне королеве Марии. Она всегда вызывает повышенный интерес среди моих придворных.

– Я... в общем, да, ваше величество. Я слышала, что о ней говорят. Вы имеете в виду какую-то конкретную историю?

Елизавета рассмеялась:

– О да, их превеликое множество. Но я говорю сейчас о ее намерении вступить в повторный брак.

Полагают, что она рассчитывает на союз, равный ее первому, с королем Франции. Насколько мне известно, она имеет виды на дона Карлоса Испанского – сына короля Филиппа.

– Я тоже слышала что-то в этом роде, ваше величество, – проговорила Селия. Еще она слышала, что дон Карлос страдает слабоумием и известен своим бешеным нравом, но, как видно, даже такая признанная красавица, как королева Мария, готова закрыть глаза на эти изъяны ради шанса стать королевой Испании.

Неожиданно Елизавета с силой ударила ладонью по столу, отчего чернильница, подпрыгнув, опрокинулась на пол.

– Невозможно! Нельзя допустить, чтобы кузина заключила столь могущественный союз. И без того она представляет угрозу для всех нас. Я предложила ей в мужа английского аристократа. Мне просто необходим верный человек в ее окружении, на которого я могу положиться.

– Да, ваше величество, – растерянно пробормотала Селия. Разумеется, королева не собирается возложить подобную миссию на нее!

Елизавета понизила голос до шепота:

– Видите ли, мистрис Саттон, у меня есть план. Но мне нужен помощник, который проследит за его осуществлением.

– Чем я могу помочь, ваше величество? Я совсем не представляю, кто еще может быть претендентом на руку королевы Марии.

– Нет-нет, об этом я позабочусь сама, мистрис Саттон. У меня на уме есть превосходная кандидатура – человек абсолютно надежный. Пока я не могу открыть вам его имя, но обещаю, что очень скоро вы узнаете все, что необходимо. – Елизавета откинулась на спинку кресла и взяла со стола одну из бумаг. – Между тем моя кузина графиня Леннокс, которая также приходится кузиной Марии, спрашивает разрешения для своего сына, лорда Дарнли, навестить его отца, проживающего сейчас в Эдинбурге.

Селия кивнула. Ей было известно о прошении графини – леди Леннокс сама на днях проболталась ей об этом. Леди Леннокс надеялась, что стоит королеве Марии встретить лорда Дарнли – высокого блондина с ангельской внешностью, – как она тут же возьмет его в мужа и сделает королем Шотландии. А его высокое происхождение укрепит Марию в ее стремлении стать наследницей Елизаветы.

Селия сильно сомневалась, что из подобного плана может что-то получиться, поскольку зависел он целиком от лорда Дарнли, а даже за недолгое время, проведенное при дворе, она успела убедиться, что за привлекательной наружностью этого человека скрывается пустой бахвал и пьяница, к тому же граф слишком любил мужское общество.

– Да, ваше величество, – снова повторила она.

– Кажется, леди Леннокс за эти последние дни близко сошлась с вами?

– Леди Леннокс оказала мне гостеприимство, но она беседует со мной в основном о том, как скучает без мужа.

– Мне не хотелось бы отпускать лорда Дарнли на север, – произнесла Елизавета. – Он из тех, за кем необходимо присматривать. Но лорд Берли дал совет, с которым я согласилась – все-таки отпустить его в эту поездку. Он отправится в Шотландию через неделю.

– Так скоро, ваше величество? – Селию удивило то, что кто-то способен сейчас отправиться в путешествие – такой суровой зимы не помнили даже старожилы. Вот и Темза замерзла до самого дна. Благоразумные люди предпочитали сидеть дома у своих каминов.

– Я считаю, что в этом деле время терять не стоит, – сказала королева. – А лорд Дарнли так и рвется в путь. Я желаю, чтобы вы, мистрис Саттон, присоединились к его сопровождению.

Селия едва удержалась, чтобы не разинуть рот, словно деревенская дурочка. Она не то чтобы не находила слов – даже мысли ее смешались в беспорядочный клубок. Ей в самом деле предлагают отправиться в Шотландию с секретным поручением?

– Боюсь, что не совсем понимаю, чем могу быть полезна вам в Эдинбурге, ваше величество...

Елизавета нетерпеливо вздохнула:

– Вы станете фрейлиной королевы Марии – в качестве подарка от меня. Мне нужен внимательный женский взгляд на ситуацию при дворе Марии, мистрис Саттон. Конечно же и без мужчин тут не обойдется, у лорда Берли будут там свои люди. Но женщина способна увидеть то, что недоступно мужскому глазу. Особенно если дело касается другой женщины. Мне необходимо знать сокровенные мысли Марии насчет ее возможного замужества. И мне необходимо знать, насколько она поддается на уговоры в этом вопросе.

– Вы считаете, что я сумею это исполнить? – осторожно спросила Селия.

Елизавета рассмеялась:

– Не сомневаюсь, что сумеете. Последние несколько дней я наблюдаю за вами, мистрис Саттон, и вижу, как вы наблюдательны. Вы умеете смотреть и слушать. Именно такой человек мне нужен. А не самодовольный придворный павлин, который не видит дальше своего носа. Мне жизненно необходимо знать, что затевает моя кузина. От выбранного ею супруга зависит безопасность наших северных границ.

Селия кивнула. Она знала, что шотландская королева славится своей непредсказуемостью. Кто же не знает этого? И Селия правда все больше молчала и слушала – как еще выжить одинокой женщине? И она прекрасно сознавала, насколько скуден стоящий перед ней выбор. Без денег, без своего угла, без поддержки мужа, без собственной семьи, она целиком зависела от благосклонности королевы. Но это лучше, чем принимать подачки от родни покойного мужа.

– Разумеется, ваши труды будут вознаграждены, – продолжала королева. – Как только брачный союз шотландской королевы будет заключен наиболее благоприятным образом и вы вернетесь назад к нашему двору, мы подумаем о вашем замужестве. Самом заманчивом для вас, это я вам обещаю, мистрис Саттон. И ваше будущее будет устроено.

Селия предпочла бы собственное поместье, а не нового мужа. Опыт показал ей, что от мужа нет никакого проку. Но сейчас оставалось только согласиться на предложение королевы – а торг оставить на потом.

– А какой союз будет наиболее благоприятным? – спросила она.

Королева улыбнулась, достала из-под толстой книги сложенное письмо и протянула Селии:

– Здесь вы найдете все, что вам требуется знать, мистрис Саттон. Я намерена предложить королеве Марии свой вариант. Как только у вас появится для меня сообщение, вы сможете переслать его через доверенное лицо, которое обеспечит его своевременную доставку.

Селия спрятала письмо в бархатный рукав:

– Доверенное лицо, ваше величество?

– Да. С этим человеком вы познакомитесь прямо сейчас.

Елизавета кивнула мажордому, тот поклонился и исчез за дверцей в стене, замаскированной под панель. Но уже через мгновение появился снова вместе с высоким худощавым человеком, одетым в модный черный с желтым костюм из бархата и атласа.

Джон Брэндон! Значит, ей не померещилось, и это все-таки был он. Увидев его, Селия приподнялась было с табурета, но тут же опустилась. Она похолодела с головы до ног.

При виде его яркие небесно-синие глаза, которые она когда-то так любила, широко раскрылись. И на краткий миг ей почудилось, что в их глубине промелькнуло некое чувство. Уголки губ тронула улыбка. Но тут же на эти глаза опустилась завеса, и в них уже нельзя было прочесть ничего, кроме модной нынче в обществе скуки. Он никак не показал, что узнал ее.

– Вот и вы, сэра Джон, – произнесла королева Елизавета. Она жестом подозвала его и протянула руку для поцелуя, над которой он склонился с чарующей улыбкой, предварительно отвесив наицеремоннейший поклон, заставив королеву рассмеяться.

– Ваше величество затмевает само солнце, – сказал он. – Вы даже среди зимы несете нам тепло и свет.

– А вы невозможный льстец, – со смехом ответила королева.

Селия слишком хорошо помнила эту его улыбку, помнила, как она смеялась и краснела, когда он улыбался ей. Правда, тогда его улыбка полускрывалась в короткой бородке. Теперь Джон был чисто выбрит, изящные линии его прекрасного лица были полностью открыты.

Уголкем глаза Селия заметила, как кое-кто из фрейлин захихикал, а кто-то томно вздохнул. Она сама прекрасно помнила, как таяла и расцветала от его улыбки. Но это было очень

давно, и, поддавшись магии чар Джона Брэндона, она испытала на себе их болезненные последствия.

– Сэр Джон, это мистрис Селия Саттон, которая тоже отправится в Шотландию, – произнесла Елизавета и понизила голос: – Сведения, которые она станет передавать вам, вы будете незамедлительно преправлять мне. И вам также надлежит позаботиться о ее безопасности в Эдинбурге.

Лицо Джона слегка омрачилось, словно задание не слишком его обрадовало. Что касается бедной Селии, то она была в полном замешательстве и отчаянии. Сердце у нее оборвалось. Ей придется путешествовать с ним? Секретничать с ним?

Ее охватило безумное желание вскочить с табурета, крикнуть, что она отказывается выполнять поручение королевы, и выбежать из комнаты. Но ей пришлось заставить себя остаться на месте. Она так крепко прикусила губу, чтобы удержать крик, что почувствовала привкус крови. Королеве не перечат. Да и бежать ей некуда.

Зато морщинка на лбу Джона разгладилась так же быстро, как и возникла. Он вновь поклонился и сказал:

– Я покорный слуга вашего величества.

Елизавета откинулась в своем кресле с довольной кошачьей улыбкой:

– Будет вам, сэр Джон. Уж это задание несколько вас не обременит. Мистрис Саттон вполне привлекательна, разве нет? Уверена, что общение с ней во время вашего долгого путешествия не будет вам в тягость.

Шутливый тон королевы заставил Селию замереть. Взгляд Джона скользнул по ней без особого интереса.

– Боюсь, что в присутствии вашего величества я больше никого не замечаю, – заявил он. Елизавета засмеялась:

– И все-таки я рассчитываю, что вы двое благополучно поладите. Ваша мать была шотландкой, не так ли, сэр Джон?

Селия увидела, как его лицо слегка напряглось.

– Да, ваше величество.

– Она была придворной дамой матери королевы Марии во времена ее регентства, я права? – Елизавета проговорила это так небрежно, словно война между английской и шотландской армиями в годы регентства Марии Гиз была не более чем пустой забавой. – Значит, вы сможете помочь мистрис Саттон разобраться во всех тонкостях жизни шотландского двора. Возможно, вы даже отыщете там кого-то из своей родни.

– Все мои родные живут в Англии, – проговорил Джон твердо.

На это Елизавета только махнула рукой:

– Вы оба можете быть свободны. Вам, несомненно, есть чем заняться перед отъездом, а мне надо покончить с этими прошениями до вечернего пира.

Селия медленно поднялась с табурета и присела в реверансе, чувствуя слабость в ногах. Ей все еще не верилось, что во время этой короткой аудиенции произошло столько странного. Теперь можно было не тревожиться о том, что ей негде и не на что жить, зато неожиданное появление Джона Брэндона и поездки в Шотландию, чтобы шпионить там за королевой Марией, внесло полную сумятицу в ее мысли. Даже голова закружилась от столь стремительного поворота в жизни. Селии хотелось не то смеяться, не то плакать.

Джон поклонился королеве, и мажордом подошел, чтобы проводить их. Но не в битком набитую приемную, а сквозь потайную дверцу в маленькую, полутемную комнатку. После ярко освещенных королевских покоев Селия могла разглядеть здесь только неясные очертания гобеленов, покрывавших темные дубовые стены.

Она потерла пальцами глаза и глубоко вздохнула. Когда же подняла взгляд, то обнаружила, что слуга удалился, и они остались вдвоем с Джоном. Он пристально смотрел на нее. Его широкие плечи слегка напряглись, но красивое лицо оставалось абсолютно бесстрастным.

– Здравствуйте, Селия, – спокойно произнес он. – Давненько мы с вами не виделись.

Глава 2

В полумраке тесной каморки Селия подняла глаза на Джона. Полосы мутноватого света падали на его лицо, и она увидела, что годы изменили его, так же как ее саму. Он похудел, весь как-то подобрался, а в синих глазах, осторожно разглядывавших ее, застыл лед.

Когда-то она сравнивала их с теплым летним небом, они растопили ее сердце, прорвали ее оборону. А теперь ее сердце окаменело и тяжелым грузом придавило чувства. И хорошо, такой быть гораздо практичнее. Чувства обманывают и предают. Им нельзя доверять. Особенно если речь идет именно об этом мужчине.

Селия попятилась и уперлась спиной в жесткие дубовые панели. Джон не тронулся с места, но и не отвел глаз от ее лица, однако Селии показалось, что он двинулся за ней и прижал ее как когда-то к стене твердым горячим телом, требующим ответного отклика ее тела. Она впиалась ногтями в ладони, делая усилие, чтобы не отвести глаза. Не выказать свою слабость.

– Да, в самом деле давно, – проговорила она, наконец-то обретя способность говорить. В последнюю их встречу он целовал ее под дубом, на их тайном месте свиданий. Он прижимал ее к шершавой коре, его губы властно завладевали ее ртом, руки, проникшие под ее юбки, позволяли себе полную свободу действий. В тот день ими овладело настоящее безумие, охватившее их обоюдное желание достигло небывалой силы. И он заставил ее мечтать о романтически чудесном совместном будущем... А на следующий день исчез без всяких объяснений.

– Впрочем, прошло немало времени, – холодно произнесла Селия. – Я уже не рассчитывала с вами увидеться.

Он окинул взглядом ее строгое платье, пальцы без колец, гладко зачесанные волосы. На мгновение перед ней промелькнуло еще одно воспоминание – вот Джон распускает ей волосы, освобождая их от шпилек и гребней, и пропускает сквозь пальцы густые волнистые пряди. Прячет в них лицо и называет ее Королевой Фей...

Проницательные синие глаза снова остановились на ее лице и прищурились, словно пытаясь проникнуть в ее мысли. Когда-то она делилась с ним самым сокровенным, раскрывалась перед ним с пылкой доверчивостью. Хотелось надеяться, что теперь она уже не такая дура. Селия посмотрела на него с холодным спокойствием. Пускай попробует снова начать свои игры. Прежняя влюбленная глупышка, которую он когда-то знал, исчезла. Джон убил ее – а помогли ему ее презренный муж и незадачливый брат.

– А я о вас думал, Селия, – сказал он.

Селия поспешила скрыть невольное удивление.

Он думал о ней, вот как? Наверняка лжет. Разве что посмеивался над ее наивностью. Сельская простушка, с ходу попавшаяся на удочку скучающего повесы, решившего слегка поразвлечься. Она рассмеялась:

– Боюсь, что жизнь при дворе не оставляет времени для праздных воспоминаний, Джон. Стольких дам надо очаровать, столько побед одержать. Я просто уверена, что каждая минута человека с вашими... достоинствами заполнена до предела.

Она тоже позволила себе оглядеть его с ног до головы – длинные стройные ноги в высоких кожаных сапогах, узкие бедра и мощные плечи. Прошедшие годы нисколько не добавили ему мягкости.

Взгляд ее упал на выпуклость под его бриджами, и она поспешно отвела глаза. Эту часть его тела она помнила слишком хорошо...

– В общем, – добавила она натянуто, – у вас наверняка хлопот более чем достаточно.

Тут его железное самообладание по-видимому дало трещину.

Стремительно, словно коршун, бросающийся на добычу, он схватил ее за плечи своими сильными руками и прижал к стене. Синие глаза, только что казавшиеся ледяными, вспых-

нули ярким огнем. Селия почувствовала, как ее старательно возведенные бастионы рушатся, и попыталась собрать всю свою волю. Нет, этого не произойдет! Она не позволит Джону сокрушить ее защиту. Селия рванулась из его рук, но он держал крепко.

– Пустите меня! – воскликнула она.

Но его руки по-прежнему крепко сжимали ее. Исходящий от него жар, переполнявшая его жизненная сила обвили ее бархатными путами. Селия вспомнила нежное и жгучее желание, которое он когда-то в ней пробудил.

– Что с вами случилось, Селия? – спросил он.

– О чем это вы? – процедила она. Застыв, она смотрела на его исполненное решимости лицо над высоким воротником камзола. Его губы были плотно сжаты, щека чуть подрагивала, выдавая раздражение. Она стала представлять, как охватывает руками его горло, пытаясь задуть, пока он не выпустит ее. Потому что она сделала ему больно, так же больно, как он сделал когда-то ей.

– По виду вы все та же Селия, которую я помнил, – проговорил он. Его ладонь скользнула вниз по ее бархатному рукаву и коснулась обнаженного запястья. Наверное, он уловил биение ее пульса, и в его глазах что-то промелькнуло. Он переплел свои пальцы с ее пальцами. Оцепенение, сковавшее Селию, не позволило ей отстраниться. Она в самом деле ощущала себя добычей коршуна, безвольно ожидавшей, пока хищник добьет ее сильным ударом клюва.

– Вы даже еще больше похорошели, – заметил он, смягчая свой резкий голос. – Только взгляд стал такой... жесткий.

Селия снова рванулась:

– Хотите сказать, что я больше не глупая и доверчивая девчонка, которую так легко завлечь сладкими словами? Я очень хорошо усвоила урок, который вы мне преподали, Джон, и я правда благодарна вам за него.

Он поднес к своему лицу ее руку и посмотрел на нежные пальчики. Провел большим пальцем по ее безымянному, отметив отсутствие обручального кольца. Селия попыталась уклониться от этой ласки, но он держал крепко.

– Так вы не замужем? – спросил он.

– Уже нет, – ответила она с горьким смешком. – Слава богу. И не собираюсь больше выходить никогда.

Он вдруг, к ее изумлению, приник приоткрытыми губами к впадинке на ее ладони. Селия ощутила влажный жар на своей коже, и у нее задрожали колени, а тело самым предательским образом обмякло, и она крепче прижалась спиной к стене.

Эта слабость, вспышка желания, от которого она полагала себя освобожденной, разозлила ее. Она заставила себя собраться и призвала на помощь всю свою стойкость.

– Я, может, и изменилась, Джон, но вы определенно нет, – выговорила она холодно. – Вы, как и прежде, словно завоеватель, берете все, что вам хочется, ни о ком не думая, и выкидываете за ненадобностью то, что перестало забавлять.

Его губы застыли на ее ладони. Он медленно поднял голову, и их взгляды встретились. Селия едва не ахнула, увидев в глубине его глаз обжигающую неприкрытую ярость. Ясная синева обратилась в грозную черноту.

– Вы обо мне ничего не знаете, – прошептал Джон, и прозвучало это более убедительно, чем если бы он крикнул. – Не знаете, что мне приходилось делать в жизни.

«Я знаю, что вы меня бросили!» – внутренне крикнула она. Передал ее в жестокие руки мужа, в жизнь, где ей не у кого было искать защиты. Она закусила губу, чтобы не выкрикнуть эти слова вслух.

– Я знаю, что мне не хочется выполнять задание королевы вместе с вами, – сказала она.

– Так же как и мне, – откликнулся он. Еще раз тяжело взглянув на Селию, он выпустил ее, отвернулся и провел рукой по волосам. Плечи его были напряженно подняты. – Но такова воля королевы. Вы готовы ее послушаться?

Селия приложила ладони к стене, пытаясь подавить импульсивное желание пригласить его светло-каштановые кудри, которые он взъерошил.

– Разумеется, я не пойду против ее воли.

– Значит, мы отправляемся в Эдинбург, – заключил Джон, глубоко вздохнув, и его лицо вновь приняло отстраненное выражение. Он сухо улыбнулся ей через плечо. – Мы увидимся на завтрашнем балу.

Она смотрела, как он покидает маленькую каморку, как за ним затворяется дверь. Глубокая тишина окружила ее, она давила на нее из всех углов, вызывая желание закричать. Селия медленно скользнула вниз по стене и опустилась на пол, в пышную клумбу своих юбок. В висках стучало, она уронила голову в ладони, из последних сил сдерживая слезы. Ей казалось, что все самые тяжелые испытания в ее жизни остались позади. Как же она ошибалась! Сэр Джон Брэндон – так называлось ее самое главное ужасное испытание.

Помилуй бог, Селия Саттон!

Джон оттолкнул кипу документов от себя с такой силой, что часть бумаг разлетелась по полу, и резко откинулся на спинку кресла. Необходимо было срочно ознакомиться с этими бумагами, чтобы уяснить, с чем придется столкнуться в Шотландии, но он не мог ни о чем думать, не мог ни на чем сосредоточиться. Перед глазами стояла Селия.

Селия. Селия!

Он с силой взъерошил волосы, но изгнать ее из мыслей не удалось. Эти холодные серые глаза, изучающие его в полумраке комнаты, скользящие по его фигуре, словно она вспоминала именно то, что вспоминал он сам...

Горячее соприкосновение обнаженных тел, жадные губы и руки исследуют, дразнят, ласкают. Ее волнующие вскрики в тот момент, когда он овладел ею, и их соединение, такое самозабвенное, захватывающее, какого он не испытывал прежде.

Но ее взгляд изменился в одно мгновение, стал тяжелым и отстраненным, холодным, как замерзшая Темза за окном. Его Селия – женщина, воспоминания о которой поддерживали и укрепляли его, несмотря ни на что, столько времени, – она исчезла.

Но может быть, она просто спряталась, словно отгородив себя стеной презрения и недоверия, которые он увидел в глазах этой новой Селии. Было ясно, что она пытается защититься от чего-то, что душа ее глубоко уязвлена, и не важно, чем они раньше были друг для друга, теперь она для него недостижима. И она права – ведь одна из ран на ее душе нанесена им.

Когда-то она была нужна ему больше всего на свете. Она пробудила в нем чувства, на которые он не считал себя способным. На какое-то мгновение он даже отважился вообразить себе их совместное будущее. И связь между ними не исчезла за все эти годы – стоило ему к ней прикоснуться, и он словно прочитал ее мысли, почувствовал ее гнев, волнение. И ненависть – настолько похожую на страсть, что Джон почти ощутил ее вкус, потому что и сам переживал нечто подобное.

Ему потребовалось все его самообладание, чтобы не позволить себе повалить ее на пол, поднять юбки, обхватить ладонями бедра и припасть губами к самым интимным прелестям. Потаенным местечкам. Вкушать, смаковать, упиваться – пока его Селия не будет с ним снова. Эта девочка, которая когда-то заново научила его улыбаться.

Одно лишь воспоминание о вкусе ее кожи – теплом, медовом, о том, как она запускала пальцы в его волосы и тянула его на себя, возбудило его не на шутку.

Но убийственно холодный взгляд ее глаз не обещал для него ничего хорошего, похоже, что ему остаются только воспоминания.

Джон резко поднялся с кресла, пересек маленькую комнату и подошел к окну, подняв раму, позволил ворваться внутрь морозному воздуху, хотя только что снял камзол и остался в одной тонкой льняной рубашке. Холод привел его в чувство и напомнил о долге, о предстоящем задании. Он ни разу не провалил ни одно поручение королевы. И сейчас неудачи быть не должно, как бы ни отвлекала его Селия.

Окно выходило на реку, замерзшую серебряную ленту, серую и заледеневшую, как глаза Селии. Такого холодного Рождества никто не помнил, река промерзла до самого дна, и на льду устроили зимнюю ярмарку. На Богоявление немного потеплело, но река все еще была скована льдом, а люди, отважившиеся выйти на улицу, кутались в плащи и шарфы.

А ему в такой холод предстоит совершить путешествие в Шотландию и еще взять с собой Селию. Вот они жмутся друг к другу в возке, чтобы согреться, ночуют в уединенных гостиницах, плечом к плечу выполняют тайное поручение королевы Елизаветы. Может быть, там она доверится ему, он сможет разрушить по камешку все ее укрепления, и его Селия снова станет прежней?

Нет! Джон с силой ударил ладонью по краю подоконника, отколов щепку от хрупкой от холода древесины. Цель поездки – нейтрализовать постоянную угрозу, исходящую от королевы Марии и ее возможных брачных альянсов, а вовсе не удачно подвернувшаяся возможность для него забыться в объятиях Селии. Он размышлял о несбыточном.

Если у них с Селией и был какой-то шанс, он давно уже потерян.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнул Джон громче, чем хотел. Нервы его были на пределе, и следовало срочно обуздать их. Но все же он не успел полностью взять себя в руки, когда в комнату вошел его приятель, лорд Маркус Стэнвил. Бросив взгляд на лицо Джона, он приподнял темно-золотистую бровь.

– Может, я лучше зайду позже? – спросил он. – Не хочу, чтобы ты расквасил мне нос.

Джон невольно усмехнулся и покачал головой. Он вернулся в кресло и потер затылок:

– Придворные дамы не простят мне, если я испорчу твою красоту.

Маркус усмехнулся в ответ и картинным движением головы откинул назад длинную рыже-каштановую гриву волос, также высоко ценимую дамами. В детстве они оба осиротели, жили у общих родственников, росли вместе. Не дружи они с тех самых пор, Джон, скорее всего, презирал бы Маркуса за фатовство.

Но он знал, что за красивой внешностью скрывается острый ум и быстрая реакция опытного фехтовальщика. Им не раз приходилось спасать друг другу жизнь.

– Да, моя наружность их вполне устраивает, – подтвердил Маркус, небрежно погружаясь в кресло напротив. – Но одна-две расчетливо полученные раны могли бы вызвать сострадание в сердце некоей дамы...

– То есть леди Фелиции?

– Да! Это такая бесчувственная особа.

– Ты просто не привык добиваться женщин, – засмеялся Джон. – Они, как правило, сами падают к твоим ногам от одной твоей улыбки.

Маркус фыркнул:

– И это говорит человек, в спальню которого рвутся попасть все дамы Лондона.

Джон вспомнил серые глаза Селии, которые, глядя на него, сделались холодными, как зимнее небо, и помрачнел.

– А вот и не все, – пробормотал он.

– Что? Не говори только, что женщина отказала сэру Джону Брэндону! Это как если бы над Тауэром увидели летящих свиней. Неужто настали тяжелые времена?

Джон швырнул в улыбающуюся физиономию приятеля тяжелый том. Маркус перехватил фолиант и метнул назад.

– Я и не надеялся дожить до этого дня, – продолжал Маркус. – Неудивительно, что ты такой пришибленный.

– Веселись, пока ты в состоянии, – ответил Джон. – Очень скоро мы двинемся в этот проклятый заледенелый Эдинбург.

Маркус сразу стал серьезным:

– Да уж, не могу сказать, что в восторге от задания – состоять нянкой при неотесанном напыщенном пьянчуге. Его и сам дьявол не спасет от бед.

– Думаю, что от этой нашей поездки ожидают многого, – сказал Джон.

Маркус подался вперед, уперев ладони в колени:

– Ты говорил с Берли?

– Нет пока, но завтра нас наверняка вызовут.

– Это будет то же, что поездка в Париж? Джон вспомнил Париж и то, с чем там пришлось столкнуться. Измена, опасность... сожаления по поводу того, что произошло с Селией.

– Шотландская королева для Елизаветы все равно что шип в заднице.

– И нам придется его вырвать?

– Боюсь, что да. Так или иначе. – А ему предстоит справиться с собственным шипом – у которого на самом деле такая белая мягкая кожа. – Королева посылает в Эдинбург еще кое-кого.

Маркус застонал:

– Это помимо Дарнли и его дружков?

– Да. Мистрис Селию Саттон. – Стоило ему лишь произнести ее имя, как внутри у него все сжалось. Воспоминания о нежных чувствах, которые он к ней некогда питал, не отпускали.

– Селия Саттон? – широко раскрыл глаза Маркус. – От ее ледяного взгляда у меня яйца замерзают.

Джон хрипло хохотнул, вспомнив свое недавнее состояние. Мгновенное возбуждение от одного ее взгляда, прикосновения, запаха ее кожи.

– Ей предстоит стать личным агентом королевы – а официально знаком расположения Елизаветы к ее кухне.

– Могла бы с тем же успехом и колечко отравленное подарить, – съехидничал Маркус. – Хотя в этой мистрис Саттон есть что-то такое... – Он не окончил фразы, и его глаза вопросительно устремились на Джона.

Тот вскинул руку:

– Лучше помолчи.

Они знали друг друга с таких давних пор, что Маркус хорошо понял предостерегающий взгляд Джона. Пожав плечами, он поднялся с кресла.

– Твои чувства касаются только тебя, – произнес он, – какими бы странными они ни казались. Так же как мои – только меня. А теперь мне пора идти одеваться на бал. У меня совсем мало времени осталось, чтобы завоевать благосклонность леди Фелиции, прежде чем мы отправимся в этот ад.

Маркус вышел, снова оставив Джона наедине с его мыслями. Он посмотрел в окно, за которым быстро опускалась морозная зимняя ночь. Вдоль набережной мерцали факелы – единственный источник света в накрытом тьмой городе.

Он уже чувствовал себя в аду. Он пребывал в нем уже три года, с тех пор как предал Селию, и потому потерял ее навсегда. Единственную женщину из всех, с кем сводила его бурная жизнь, с которой он отважился представить себе совместное будущее.

Глава 3

Селия наблюдала в маленькое зеркало, как служанка расчесывает и заплетает ее волосы, затем скручивает в тугий узел. Она снова радовалась, что королева предоставила ей комнату на отшибе, вдалеке от любопытных глаз и праздных языков. Сейчас любой, всмотревшись в нее пристальнее, заметил бы смятение в ее глазах, ее дрожащие руки.

Она сжала их на коленях, спрятав поглубже в меховую отделку платья. Сейчас ей предстоит отправиться на бал и там улыбаться и разговаривать как ни в чем не бывало. Предстоит присматриваться и прислушиваться, разузнать все, что можно, о скрытых причинах этой внезапной поездки в Эдинбург. Быть настороже, контролировать каждый шаг, как всегда.

Она закрыла глаза, внезапно почувствовав сильную усталость. Последние три года ей приходится быть настороже каждый день, каждую минуту. Неужели теперь вся оставшаяся жизнь будет такой? Она боялась, что так. Томас Саттон умер, но туго натянутые нервы и настороженность остались с ней.

Она бессознательным движением потеряла плечо. Оно давно зажило, но Селия была уверена, что временами ощущает боль. Она много сил положила, чтобы научиться владеть собой, и теперь не могла снова уступить завоеванное. Только не из-за него!

Перед ее закрытыми глазами появилось лицо Джона Брэндона, выступившее из таинственного полумрака, синие глаза заглядывали ей в самую душу и словно видели сквозь ее доспехи то, что было так тщательно за ними спрятано. Прикосновение его рук всколыхнуло в ней столько воспоминаний о, казалось, забытых ощущениях, которые она считала давным-давно умершими и погребенными, которые никогда уже не рассчитывала испытать, поскольку ее брак убил их.

Один взгляд Джона напугал ее сильнее, чем все побои Томаса. Потому что Томас на самом деле никогда не знал ее и не обладал ею. Она всегда таила от него свое настоящее «я», как ни пытался он выбить его из нее. Но Джон владел ею до кончиков ногтей, обладал всем, что она могла предложить, но теперь все это было утрачено – по его вине.

– Вы здоровы, мистрис Саттон? – услышала она голос служанки, вернувший ее в настоящее.

Селия открыла глаза и вежливо улыбнулась девушке:

– Немного голова разболелась. Ничего, сейчас все пройдет.

– Может, не затягивать туго так волосы? Сейчас модно выпускать локоны, здесь и здесь.

Селия изучающе взглянула на свое отражение в зеркале. Волосы уже были причесаны как всегда – тяжелые черные волнистые пряди туго заплетены в косы и заколоты узлом на затылке. По случаю бала его покрывала сетка из черного бисера, единственное допускаемое ею украшение волос. И это тоже было частью ее брони.

– Нет, оставь так, – возразила Селия, вдвывая в уши гагатовые серьги. – А сейчас одеваться. – Она скинула халат и позволила служанке надеть на себя платье – лиф и верхняя юбка из черного бархата, корсаж с длинным мысом спереди отделан блестящей фиолетовой парчой и расшит гагатовыми бусинами, нижняя юбка тоже парчовая. Рукава черные, перевязанные фиолетовыми ленточками. Туфли и даже подвязки на белых шелковых чулках черные. Томас вот уже много месяцев как мертв. Можно отказаться от траура и снова носить яркие цвета – синие, зеленые, как она любила раньше. Но ей необходимо было напоминать себе о том, что с ней случилось и чего она поклялась больше никогда не допустить. Ее устраивал траурный сумрак. Она протянула служанке руки, позволяя зашнуровать рукава и выпустить наружу складки белой нижней рубашки между лентами. Задумчиво глядя в камин, Селия позволила мыслям вернуться ее в тот день, когда она встретила Джона...

Она была всего-навсего глупенькой девчонкой, никогда не бывавшей при дворе, не покидавшей привычный круг родни и ближайших соседей. Джона Брэндона выслали в имение его дяди из-за какого-то придворного скандала. Ему предписывалось оставаться в деревне, пока он не усвоит урок и не раскается.

Таинственный намек на некую двусмысленную шалость заставил ее кузин строить самые немислимые предположения еще до того, как они увидели его. Селия тоже не отставала от них. Она, как все девушки, любила зимними вечерами слушать у камина разные романтические истории, и красивый лондонский повеса представлялся ей идеальным героем таких историй. И когда она наконец впервые увидела его в доме его дяди, на другом конце зала во время пира...

Это было как если бы весь мир перевернулся вверх ногами и все изменилось самым непонятным образом. Его глаза, улыбка, походка, которой он прошел сквозь толпу гостей и, приблизившись к ней, поцеловал ей руку, – все околдовало ее.

Вспоминая это, Селия затрясла головой: «Глупая, глупая гусыня!»

Но значит, она по-прежнему глупа? Разве не она едва не растаяла снова от его прикосновений не далее как сегодня?

Но при следующей их встрече она сохранит самообладание. Это жизненно необходимо.

Когда служанка кончила приводить в порядок платье, Селия прицепила к поясу веер из черных перьев и коробочку с ароматическим шариком. Это за неимением меча.

Но когда служанка отвернулась, Селия подобрала юбки и, нагнувшись, сунула за подвязку маленький кинжал. Она не могла выходить в свет совсем безоружной.

Она шла по бесконечным лестницам и извилистым коридорам дворца, все больше людей попадалось ей навстречу, наконец она оказалась в большом зале. После ночных рождественских гуляний можно было ожидать, что придворные устанут от блистательных появлений королевы. Но в воздухе снова повис восторженный гул, и вошедшую в зал Елизавету окружил оживленный говор и смех.

Зазвучала энергичная мелодия гальярда, зашаркали в такт ноги танцующих пар. Вокруг зашуршал атлас, заискрились драгоценные камни, запахло дорогими духами, разогретой кожей, вином. Голова у нее вдруг закружилась, но людской поток уже подхватил ее, и выбраться стало невозможно. Ее неумолимо увлекало в зал.

Селия протиснулась к нише у занавешенной гобеленом стены, в сторону от толкотни и бурного веселья. В толпе ей становилось трудно дышать.

Она приняла у слуги в королевской ливрее кубок и пригубила красное французское тонкого букета вино, потихоньку оглядывая собравшихся. Только бы здесь не было Джона, только бы он не увидел ее. Она с таким трудом обрела душевное равновесие после их последней встречи. После того, как он был так близко от нее в той темной комнате...

Она сделала еще несколько глотков. Обычно она пила только пиво, и то немного, всегда помня, в какое чудовище превращало вино ее покойного мужа. Как оно погубило отца, после несчастья, случившегося с ее братом. Но сегодня любое подкрепляющее средство не будет лишним.

Вино немного согрело ей кровь, и Селия принялась наблюдать за обществом.

Королева открыла бал в паре с красавчиком Робертом Дадли, теперь графом Лестером. По общему мнению, этот титул должен был сделать его достойным статуса супруга шотландской королевы. Пышные рыжие волосы королевы сияли ярче, чем ее платье из золотой парчи, она смеялась и двигалась в танце грациознее и легче остальных дам. Пугающие события последних недель и грядущие новые тревоги забылись среди музыки и веселья.

Селия отыскала взглядом графиню Леннокс, дородную даму в черном, стоявшую у противоположной стены и глядящую на празднество с плотно сжатыми губами. Коротко кивнув Селии, она повернулась к своему сыну, который с мрачным видом переминался с ноги на ногу.

Кажется, он уже был сильно пьян. Селия знала, что он недолго задержится подле матушки – и часа не мог прожить без своих беспутных утех.

Селия признавала, что он хорош собой. Высокий, стройный, с золотистыми волосами и тонкими чертами Тюдоров. Но, как и у матери, у его губ залегла жесткая складка, которую Селия сразу отметила. Он не внушал доверия, и Селия не понимала, что за игру Елизавета вела с ним и Марией. И уж совсем она не знала, почему ее вовлекают в это зыбкое политическое болото. Но нищим не подобает быть разборчивыми.

– Добрый вечер, кузина.

Над ее ухом прозвучал глубокий спокойный голос с легким скандинавским акцентом. Селия повернулась и оказалась лицом к лицу с человеком, которого она некогда винила в том, что стала нищей, – со своим двоюродным братом Антоном Густавсоном. Они прежде никогда не встречались, его мать, сестра отца, вышла замуж за шведского аристократа и исчезла где-то на холодном Севере еще до рождения Селии. Но вдруг он появился при дворе в числе посланцев шведского короля с брачными предложениями для королевы. А заодно предъявил права на поместье, которое надеялась получить Селия. Оно было единственным, что осталось от утраченного состояния ее семьи.

Именно из-за Антона рухнули ее надежды. Но теперь, глядя в его темные настороженные глаза, она почувствовала, что больше не винит его. Он тоже искал свою фортуна здесь, в Англии, и, видимо, нашел, обретя поместье и леди Розамунд. А ей еще предстоит отыскать свою.

– Вам тоже доброго вечера, кузен, – отозвалась она. – А где леди Розамунд? Все говорят, что в последнее время вы почти неразлучны.

– Не совсем так, – сказал Антон и указал на танцующих, кружащихся в феерическом вихре сверкающих драгоценностей и шелков. – Она танцует с лордом Маркусом Стэнвиллом.

Селия и вправду увидела, что леди Розамунд танцует с лордом Стэнвиллом, и их золотоволосые головы почти соприкасались.

– Лорд Маркус – один из самых отъявленных повес при дворе, – заметила Селия, допивая свой кубок и меняя его на полный. – Немного странно.

Антон рассмеялся:

– Розамунд невосприимчива к его ухаживаниям.

– Но не к вашим?

Он изогнул темную бровь:

– Не к моим. Мы скоро обвенчаемся.

Селия с трудом сделала большой глоток вина и перевела взгляд на танцующих. Внутренности ее больно сдавил тугий холодный узел. Когда-то она тоже наивно надеялась, что сможет выйти замуж за любимого человека.

– Мои поздравления, кузен. Вряд ли, покидая Швецию, вы надеялись достичь столь многого.

– Я надеялся обрести здесь семью, – сказал Антон. – По-видимому, нас осталось только двое. Могли бы мы заключить мир и стать друзьями?

Селия изучающе взглянула на него поверх серебряного края кубка. Так и есть, он единственный, кто остался из всей ее родни. На секунду ей показалось, что она уловила в нем сходство с отцом, и тугий узел внутри снова больно сжался. Как ей не хватало семьи! Как одиноко и грустно бывало временами.

– Мир, кузен, – произнесла она и медленно протянула ему руку.

Антон рассмеялся с облегчением и склонился к ее руке:

– Всегда буду рад вас видеть в нашем доме, Селия.

Селия покачала головой:

– Не бойтесь, Антон, я не стану омрачать вам жизнь. Королева посылает меня с поручением, и я вряд ли скоро вернусь.

По его лицу пробежала тень.

– Что это за поручение?

Селия уже собралась дать какой-нибудь расплывчатый ответ, но тут внезапно шею сзади словно обдало жаром. Она прижала пальцы к этому месту как раз под скрученными в узел волосами и вздрогнула.

Медленно обернулась, посмотрела через плечо и встретила пристальный взгляд ярко-синих глаз Джона Брэндона. Он задумчиво склонил голову набок, словно собрался решать головоломку, затем направился в ее сторону.

Реакция Селии была инстинктивной. Она сунула пустой кубок Антону в руки и пробормотала:

– Простите, мне надо идти.

– Селия, что такое? – испуганно спросил он, но она уже исчезла. Она знала одно – надо бежать, спастись, прежде чем Джон перехватит ее и сорвет все защитные покровы с ее души своим взглядом, как он уже чуть не сделал это накануне.

Зал был битком набит, в воздухе стоял гул, и Селии пришлось проталкиваться к выходу локтями. Хорошо, что она была маленькой и сумела-таки протиснуться в коридор. Сюда тоже долетал гул голосов, но приглушенно, как бывает под водой. Воздух словно спрессовался вокруг, плотный и жаркий.

Но она могла поклясться, что слышит позади тихие шаги его сапог, которые неумолимо приближались.

– С ума я, что ли, схожу? – прошептала она.

Подхватив тяжелый подол платья, Селия побежала в конец коридора, где он делал поворот, а затем еще один. Уайтхолл – огромный лабиринт. Постепенно кругом стало сумрачнее, стены сдвинулись теснее, факелы на стенах попадались все реже. Из-за гобелена в проеме стены вдруг раздалось сдавленное хихиканье и сладострастный мужской стон.

Селия запуталась, в какую сторону бежать, и поплатилась за секундное замешательство. Предплечье ей сжали крепкие пальцы и резко развернули.

Она покачнулась и почти упала, уткнувшись в обтянутую бархатом грудь, руки Селии уперлись в нее, в нежную ладонь впилась бриллиантовая пуговица. Это был Джон. Она узнала его сразу по запаху. Ястреб все-таки настиг свою добычу.

Селия заставила себя расправить плечи и встать спокойно, хотя хотелось одного – в панике бежать сломя голову дальше.

– У вас неотложная встреча, Селия? – спокойно спросил он. – Вы явно куда-то очень торопитесь.

Селия попыталась осторожно высвободиться из его рук, но, должно быть, сделала это слишком вяло. Его рука удержала ее за плечо. Она чувствовала ладонями спокойные сильные удары его сердца. Ее же пульс совсем обезумел. Его запах окружал ее, и она боялась вдохнуть глубоко. Зажмурившись, она попыталась отыскать внутри себя ледяную сердцевину, которая все эти годы не давала ей развалиться на части. И не нашла. Он вырвал ее с корнем.

– Я устала, – сказала Селия, – и просто хотела отдохнуть. Незачем было за мной гнаться. Джон хрипло усмехнулся:

– Как правило, если женщина так убегает, она хочет, чтобы ее догнали.

Как загнанный олень на королевской охоте, подумала Селия. Она бывала на таких охотах и видела своими глазами, как Елизавета собственноручно вырезает у убитого оленя сердце. Бедная Селия, она считала, что у нее не осталось ничего на месте сердца, но, как видно, ошибалась. Какая-то маленькая его частица еще кровоточила, и Джон был очень близок к тому, чтобы ее отыскать.

Джон, несомненно, поохотился на множество женщин со времени их последней встречи и точно так же удерживал их у своей груди, целовал в темноте, и они счастливы были отдать ему всю кровь.

– Ко мне это не относится, – сказала она вслух и снова попыталась вырваться.

Но он только крепче прижал ее к себе, и она в смятении закрыла глаза. Приподняв Селию, Джон понес ее куда-то, она вдруг ощутила ледяной холод каменной стены сквозь парчовый лиф. Раскрыв глаза, она увидела, что они оказались в маленькой оконной нише, где их окружила темнота и тишина.

– Это правда, – произнес он. – Вы, Селия Саттон, нисколько не похожи на остальных английских женщин. – Сказано это было очень странным тоном – удивленным и сердитым одновременно.

– А вы, надо полагать, познали их всех, – пробормотала она.

Джон со смехом опустил ее на пол и уперся ладонями в стену по обе стороны от ее головы, снова преградив ей путь к отступлению своим телом.

– Ваша вера в мои возможности очень трогательна, моя Королева Фей. Но я провел на этой земле всего двадцать восемь лет – уввы, это слишком мало, чтобы познать всех женщин.

Услышав имя, которое он когда-то прошептал ей на ухо в дубовой роще, – Королева Фей, – Селия почувствовала, как что-то внутри у нее надломилось. Он не имел больше права так называть ее.

Не успев подумать, она протянула руку к его бридгам и сжала пальцами его мужское достоинство. Он замер, и она услышала, как он резко вдохнул сквозь зубы. Он впился в нее глазами, а воздух вокруг, кажется, зазвенел от напряжения. Этот странный поединок шел с переменным успехом.

Гульфик на его бридгах не был по-модному вычурно отделан, и сквозь тонкий бархат она почувствовала объемность его мужской плоти, уже явно пришедшей в возбуждение, и когда Селия сильнее сжала пальцы, Джон дернулся и выпрямился. О да, она прекрасно помнила, как он любил, когда она вот так его трогала и ласкала. И она почувствовала, как ее с трудом обретенное самообладание еще не совсем ее покинуло.

Она повернула руку, чтобы обхватить его пенис снизу, затем медленно скользнула пальцами вверх. Она помнила, каков он был на ощупь обнаженным – горячий атлас поверх стали и пульсирующая в вене жизненная сила.

– Вот так бывает, когда ты настаиваешь своих жертв, да, Джон? – прошептала она, продолжая ласкать сквозь бархат его плоть ладонью и легонько царапая ногтем большого пальца.

Она ощущала на себе его обжигающий взгляд, тогда как сам он словно закаменел. На сей раз ей удалось лишить его душевного равновесия. Он не знал, что она сделает в следующую минуту. Она и сама не знала. Больше она ничего не знала о себе, и в этом виноват был он.

Селия действовала инстинктивно, стремясь всего лишь обрести контроль над собой. Но, кажется, он ускользал от нее все стремительнее.

– Обычно они становятся на колени и работают губками, – хрипло произнес Джон. Одна его рука оторвалась от стены, и легким как шепот движением он коснулся пальцем ее нижней губы.

Селия втянула воздух, и его палец воспользовался этим, чтобы проникнуть в ее рот и прикоснуться к язычку. Она отдернула голову, но успела ощутить вкус вина и соли. Если бы она могла вырваться от него и, выхватив кинжал из подвязки, всадить его ему в сердце, чтобы больше никогда он не смог играть с ее сердцем!

– На это надеяться не стоит, – сказала она.

– Нет? Я думаю, это произойдет сегодня ночью, во сне, – сказал Джон. – Но вы, Селия, наверное, предпочитаете, чтобы это я встал на колени у ваших ног?

Она не успела опомниться, как он ловко освободился от ее захвата, а его рука устремилась от ее губ вниз и подняла тяжелый подол ее платья, открыв ноги. Белые чулочки засветились в темноте.

Селия в оцепенении смотрела, как он опускается на колени и проникает к ней под юбки. Она попыталась оттолкнуть его ногой, но крепкие руки обхватили ее бедра как раз поверх чулок. Погладив их внутреннюю поверхность, где кожа была особенно нежной, он раздвинул ей ноги чуть пошире. И она ощутила его горячее дыхание на самом интимном нежном месте, а в следующее мгновение его язык проник в нее.

Огненный вихрь стремительно пронесся по ее телу. Она крепко зажмурилась и, задрожав, прижала ладони к стене, она уже и забыла, каково это – когда он делает с ней такое! Вспомнила, как он любил такие ласки и в какой восторг она сама от них приходила. Медленно он лизнул ее снизу вверх, потом еще раз, потом легко защекотал кончиком языка трепетную скрытую сердцевинку. От наслаждения Селия обмякла, чувствуя, как между бедрами стало влажно, и застонала.

Как она хотела его, как тосковала по нему. Тосковала вот по этому, по чудесному чувству переполнения жизнью. Она не испытывала ничего подобного уже давно. Уже очень давно все внутри у нее омертвело...

Одно мгновение она позволила себе испытать это, позволила ему доставить ей наслаждение. Ведь это Джон, единственный мужчина, который затронул ее сердце. А его рука тем временем с нежностью поглаживала ее бедро, как раз в том месте, чуть ниже которого находился кинжал. С обманчивой нежностью – прямо как прежде.

Перед тем как он уничтожил ее.

С судорожным вдохом она рванулась прочь. Подхватила юбки и толкнула его на пол. Но и сама потеряла равновесие и тяжело осела у стены. Оперлась руками о холодный камень, изо всех сил сдерживая слезы и чувства.

Но жар его тела все еще окутывал ее, и мускусный запах его возбуждения, и круговорот ее собственных чувств. Надо было бежать от всего этого без оглядки.

Джон гибким кошачьим движением привстал на колени. В темноте она разглядела, что он нахмурился, что глаза у него мрачные. Он сделал движение к ней:

– Селия...

Но она остановила его, уперев ему в грудь каблук своей туфли. Она, разумеется, знала, что он с легкостью может преодолеть любое ее сопротивление, но он замер, наблюдая за ней. Она сильнее уперлась каблуком, чтобы удержать его на месте.

– Селия, что с тобой стряслось? – тихо спросил он.

Она вымученно засмеялась. И как прикажете отвечать на такой вопрос? Она слегка толкнула его ногой, и когда он пошатнулся, потеряв равновесие, вскочила и выскользнула из ниши, на этот раз он не последовал за ней.

Проклятье! Инстинкт властно повелевал Джону бежать за Селией, схватить ее в объятия, прижать к груди и не отпускать до тех пор, пока она не откроется, не расскажет ему все свои тайны, которые омрачают ее душу. И еще больше ему хотелось сорвать с нее одежду, чтобы увидеть ее обнаженное тело и овладеть ею.

Но он был слишком зол, а она хрупка как стекло. Да она распадется на части, если он даст себе волю. А его нынешнее состояние не позволит ему быть особенно сдержанным. Он оперся ладонями о холодный каменный пол, уткнулся в него лбом, зажмурившись, собирая остатки самообладания.

Его Королева Фей. Он отчетливо помнил ее такой, какой она была в тот день, – черные как полночь волосы падают на голые плечи, а серые глаза мерцают таинственным серебром. Она раскинулась на лесной поляне, блики солнца играли на ее коже. Джон никогда не видел

создания более прекрасного и свободного, настолько слитого с природой. Королева Фей, околдовавшая его своими магическими чарами. При виде ее он забыл свои юношеские сумасбродства, преисполнился неведомой ранее нежностью и вообразил себе то, чего иметь никак не мог.

Но теперь в Селии совсем ничего не осталось от той девочки. Она скорее казалась Снежной королевой, закованной в лед. Но когда он обнял ее, в ее холодных глазах промелькнуло что-то от прежней Селии.

И – о боже! – на вкус она была такой же, как ему помнилось, роса и мед. Место, которое он целовал, увлажнилось, шелковые складочки затрепетали под его языком. Не так уж она заледенела! И, возможно, тоже кое-что помнит.

Но все равно она казалась такой далекой. Джон вспомнил панику в ее взгляде, когда она оттолкнула его, и то, как словно захлопнулись створки в ее глазах. Видеть, как она боится и избегает его, было мучительно больно, пусть он и знал, что заслужил это в полной мере.

Очень хорошо, что сейчас она убежала, потому что он, похоже, совсем не владел собой. Разве не решил он еще сегодня днем держаться от нее подальше? Забыть все, что было между ними в прошлом? Не делать больше больно ей, не терзать себя тем, чего ему не дано иметь? И всего несколько часов спустя уже стоял на коленях под ее юбками.

Джон рывком поднялся и машинально поправил гюльфик. Он снова почувствовал на себе ее тонкие пальчики, ласкающие его так, чтобы свести с ума. Наслаждение и боль от этой ласки неразрывно сплелись в плотный клубок.

Когда Джон вышел в коридор, Селии давно и след простыл. Музыка из бального зала долетела до него, эхом отражаясь от стен, дразня его своим весельем. Он почувствовал на себе чей-то взгляд и, резко обернувшись, увидел Маркуса, который стоял, опершись на мраморную колонну, со скрещенными на груди руками и пристально смотрел на него. Бровь его вопросительно поднялась.

– Ну, как поживают твои яйца, не совсем отмерзли? – ухмыльнулся он.

Джон жестом послал его подальше и, повернувшись, двинулся по коридору. Вслед ему раздался смех приятеля. Путешествие в Эдинбург обещало быть долгим и безотрадным. Или же оно прямиком приведет их в самый ад?

Глава 4

– Это все ваши вещи, мистрис Саттон? – спросила служанка, запирая дорожный сундук.

Селия окинула взглядом небольшую спальню. Все ее черные платья и скудные личные пожитки уже упаковали и унесли, а шкатулку с парой украшений и письмами королевы Селия держала под мышкой. Причин задерживаться не было.

– Да, спасибо, это все, – ответила она, бросая напоследок взгляд в зеркало. Она надела в дорогу простую черную шерстяную юбку и бархатный камзолчик. Волосы ей зачесали кверху, убрали под сетку и спрятали под маленькую бархатную шапочку. Вид у нее был вполне спокойный и невозмутимый, но больше всего на свете ей хотелось сейчас забраться под кровать, чтобы избежать неминуемого.

Последние несколько дней прошли в череде встреч с королевой и лордом Берли, во время которых Селия детальнее познакомилась со своим заданием. Ей предстояло подружиться с королевой Марией, которая обычно запросто болтала со своими фрейлинами, попытаться выведать ее взгляды на замужество и сообщить о них королеве. Кроме того, она должна попробовать убедить Марию, что брак с англичанином по выбору ее кузины – наиболее предпочтительный вариант. А еще наблюдать и слушать, что Селии в последнее время хорошо удавалось. Люди, которые постоянно ждут неприятностей, всегда настороже и потому присматриваются и прислушиваются к тому, что творится вокруг.

Правда, Елизавета считала, что Марии следует выйти замуж за лорда Лестера, а Берли – что за Дарнли. Селия так и не поняла, к какому варианту склонять королеву Марию, если Мария вообще обнаружит готовность куда-либо склониться.

Праздники продолжались, и каждый день устраивали то бал, то пир, придворные и гости ходили смотреть на игры в мяч, гуляли в парке, и всюду Селия ступала с опаской, словно по раскаленным углям преисподней. Но главный демон, Джон Брэндон, так нигде и не появился, чтобы мучить ее, завлекать в укромные уголки и обнаруживать в ней осколки прежней Селии, которую она считала давно погребенной на дне ее души. Чтобы смотреть на нее взглядом, говорящим слишком многое.

Но Селия так и не поняла – рада она тому, что он не показывался, или нет.

«Просто у него много других развлечений», – думала она, рывком натягивая кожаные перчатки для верховой езды. Ведь надо же ему попроситься со всеми своими любовницами.

Лорд Берли сказал, что в Эдинбурге Джон будет ее связным для передачи сведений королеве, так что Селия сознавала, что ей придется в конце концов увидеться с ним. И разобраться в чувствах, которые он в ней будоражил.

Селия смотрела на свою затянутую в перчатку ладонь и вспоминала ощущение его горячей плоти. И испытанное удовольствие, и удовлетворение, когда эта плоть обрела твердость. И как хотелось тогда ей сбросить платье и почувствовать его тяжесть на своем теле. Снова испытать блаженство.

Она с силой сжала кисть в кулак. Может быть, стоило причинить ему боль, раздавить его плоть, и тогда она покончила бы с ним раз и навсегда, как он некогда покончил с ней?

Но прикосновение его губ, заставившее ее потерять рассудок, говорило, что между ними далеко еще ничего не кончено.

Селия резко повернулась и, взмахнув стеклом, со свистом рассекла им воздух. На мгновение она представила, как стек опускается на мускулистые ягодицы Джона. Но тут же поспешно отогнала эту мысль, поймав себя на внезапном приступе желания. Чем меньше она думает о Джоне Брэндоне с его великолепным телом и сладкоречивым голосом, тем лучше!

Селия поспешила вниз и вышла во двор, где собиралась компания путешественников. Здесь царила суматоха, лошади выстроились в вереницу, экипажи теснили друг друга, слуги поспешно загружали забытые впопыхах вещи.

Лорд Дарнли с матерью стояли немного в стороне от всех, и леди Леннокс что-то настойчиво шептала сыну на ухо. Он угрюмо кивал, глядя, как отобранные им в спутники друзья играют в кости на ступенях крыльца. Хотя день еще только начинался и их ожидала долгая дорога, все они явно были навеселе.

Селия порадовалась, что в ее обязанности не входит присматривать за ними. Того и гляди, кто-нибудь свалится с лошади и замерзнет в каком-нибудь сугробе.

Она оглядела остальных сопровождающих. Слуги забирались в переполненные повозки, придворные, которым не посчастливилось попасть в свиту, разыскивали своих лошадей. Леди Элисон Паркер, фрейлина Елизаветы, также посланная королевой морочить голову королеве Марии, разрешила одному из друзей Дарнли посадить себя в седло. Она со смехом опраивала пышные зеленые юбки, кокетливо позволяя бедному парню любоваться ее длинными ногами и ярко-рыжими волосами, блестящими в сероватом утреннем сумраке. У Селии создалось впечатление, что она и леди Элисон едва ли станут закадычными подругами в этой поездке.

И тут она увидела Джона, краем глаза заметила его светло-каштановые волосы и замерла. Все ее чувства обострились, свет словно стал ярче, ветер свежее.

Она оглянулась через плечо и увидела, что он стоит в начале каравана, держа под уздцы норовистого угольно-черного жеребца. Он нежно поглаживал морду коня, что-то шептал ему на ухо, но глаза его пристально смотрели на Селию. Все его тело подобралось, словно он выжидал, что она станет делать. В каком направлении кинется бежать.

Селия вспомнила свою фантазию – как прохаживается стеком по его ягодицам, и ее губы растянулись в улыбке. Она скользнула взглядом по его длинным ногам, обтянутым кожаными бриджами для верховой езды и обутым в высокие черные сапоги.

Когда она снова посмотрела ему в глаза, то прочла в них некое невысказанное обещание. Он словно прочел ее мысли, ее фантазии и теперь будет ждать, когда застанет ее одну, чтобы воплотить их в реальность.

Селия резко отвернулась от него и тут же наткнулась на взгляд лорда Маркуса Стэнвила, который наблюдал за ней из дверей. Она несколько раз видела его в компании Джона, они явно приятельствовали. Селии нравился лорд Маркус, золотоволосый беззаботный весельчак, но сейчас его взгляд вызвал в ней крайне неприятное ощущение. Как и Джон, он будто читал ее потаенные мысли, и это его забавляло.

– Превосходный день для путешествия, – сказал он, – не правда ли, мистрис Саттон?

– Для того, кто не боится отморозить себе нос, возможно, – резко ответила она. – Я лично предпочла бы сейчас сидеть у теплого камина, но, возможно, у вас другие склонности, лорд Маркус.

Он засмеялся, и Селия почувствовала на себе тяжелый взгляд Джона. Неожиданно для нее лорд Маркус взял ее за руку и поднес к губам.

– Думаю, я люблю приключения не меньше любого другого, – сказал он, – но, мистрис Саттон, иногда самые захватывающие приключения случаются как раз у камина. Нам в любом случае придется выполнить приказ королевы.

– Это несомненно, – кивнула Селия. – Нравится нам это или нет.

– Признаюсь вам, что вначале наше задание не слишком привело меня в восторг, – продолжал лорд Маркус. – Но в компании с вами и моим другом Брэндоном оно может оказаться более захватывающим, чем любое театральное действие.

Прежде чем Селия успела потребовать у него объяснить суть сказанного, он взял ее под локоть и повел к ожидавшей лошади. Легко посадил ее в седло и широко улыбнулся:

– Итак, мистрис Саттон, игра начинается.

Селия невольно взглянула на Джона, который стоял в нескольких шагах от них и, прищурившись, наблюдал за ней и Маркусом, и подумала, что игра началась уже давно. И у нее появилась удручающая уверенность, что ей суждено проиграть.

Селия глядела на окрестности, по которым тащилась ее лошадь, и едва удерживалась от того, чтобы не начать яростно растирать занемевшие бедра. Они ехали уже несколько часов, и холод заодно со скукой вогнали ее в полусонное состояние. Это монотонное продвижение казалось нескончаемым, как будто не было ничего прежде него, как ничего не будет потом.

Времени подумать в ее распоряжении имелось более чем достаточно.

Отпустив поводья, Селия оглядывала унылые серые деревья, тянувшиеся по обе стороны дороги. Ветер то стонал в похожих на костлявые руки ветвях, то нашептывал ей о прошлом.

Она старалась не оборачиваться назад, туда, где, как она знала, ехал Джон, но каждое мгновение чувствовала его близкое присутствие. В тишине, которая воцарилась над караваном после того, как холод сковал даже самые болтливые языки, Селии казалось, что она слышит, как он ерзает в седле и вполголоса переговаривается с Маркусом.

Селия тряхнула головой. Путь предстоял бесконечно долгий, и лучше всего думать о том задании, которое ожидает ее в Эдинбурге. И о награде, обещанной королевой, если она хорошо с ним справится, – выгодный брак, в котором она никогда ни в чем не будет нуждаться. Выгодный брак с неким неведомым ей незнакомцем, без имени и лица, о котором ей только остается молить Бога, чтобы он оказался более удачным, чем ее первый. Это был теперь ее единственный шанс выжить. И за него предстояло бороться.

Но когда ее взгляд скользил по Джону, она всякий раз опасалась лишиться сил для борьбы. Он всегда заставлял ее подчиняться единственно чувствам, с самого первого мгновения, как она его увидела.

У Селии озноб пробежал по коже, когда она вспомнила, как в тот далекий день он взял ее за руку и улыбнулся, словно старой знакомой.

– Замерзли, мистрис Саттон? – услышала она его вопрос. И на мгновение ей показалось, что она перенеслась в прошлое. Она заморгала и, подняв взгляд, обнаружила, что, пока витала в облаках, Джон на своей лошади поравнялся с ней. Этот негодяй словно чувствовал моменты, когда она оказывалась совершенно беззащитной.

– Да, – сказала она. – Такое ощущение, что я уже месяц сижу в седле.

Легкая улыбка тронула его губы, и он опустил взгляд на ее ноги. Она сидела, развернувшись в его сторону, юбки обтянули колени, и она мгновенно вспомнила, как он залез под них на балу. Вспомнила прикосновение его рук, языка...

Внезапно ее бросило в жар, она торопливо отвела взгляд и с негодованием услышала, как он довольно усмехнулся, словно угадав ее мысли.

– Мы уже почти в Харли-Холле, – сказал он. – Остановимся здесь на ночлег.

– Хм. Всего одна ночь, чтобы согреться, а завтра снова на мороз! Это такая доброта или скорее жестокость?

– Дразнить вкусом того, что мы иметь не можем?

Селия подняла на него взгляд, удивленная напряжением, прозвучавшим в этих словах. Но лицо у него оставалось невозмутимым, а глаза – равнодушными.

– Если вам станет совсем невтерпеж, Селия, – продолжал он, – вы всегда можете пересесть ко мне в седло. Я с радостью вас согрею.

Селия сердито фыркнула и устремила взгляд вперед. Но образ, порожденный этими словами, уже возник в ее воображении – вот она примостилась впереди Джона, он обхватил ее руками и уткнул подбородок ей в плечо, согревая ее ухо своим дыханием. Может, если не отвечать ему, он отстанет от нее и обратит свое внимание на леди Элисон, которая то и дело

украдкой на него посматривала. Но Джон остался рядом с Селией, и некоторое время они ехали бок о бок в молчании.

– Вы, значит, постоянно живете при дворе? – наконец заговорила она, чтобы нарушить молчание и отогнать навязчивые мысли.

– Большую часть времени. Когда мое присутствие не требуется в поместье, а это случается нечасто, – ответил он. – Я привык к такой жизни. А почему вы спрашиваете?

– Я находилась при дворе уже несколько недель, а вы появились только в тот день, когда я встретила с королевой.

– И вы рассчитываете, что снова сможете как-то избегать встреч со мной?

Именно на это Селия и рассчитывала, но промолчала.

– Селия, вы не могли не думать, что мы однажды увидимся снова, – сказал Джон. – Наш мир слишком мал, чтобы уклоняться от встреч постоянно.

– Я именно думала, что мы больше никогда не увидимся, – сказала она. – Я простая сельская мышка, а вы... После того, как вы так внезапно исчезли, я даже не знала, куда вы делись. Может, отплыли в Китай или в еще более далекие земли.

– Я не хотел уезжать, – проговорил он с неожиданной горячностью.

Селия изумленно повернулась к нему и встретила ледяной взгляд синих глаз.

– Но у меня не было выбора.

– У меня тоже, – сказала Селия. Она собиралась его дождаться, верила, что он непременно вернется. Но проходили дни, недели, а он даже не прислал весточки, и Селии открылась горькая правда. Он ее бросил. И она осталась одна.

Внезапно она почувствовала, что затянувшаяся было старая рана снова кровоточит и ноет.

– После того как вы уехали... после того как мне пришлось выйти замуж... – После трагедии с братом, разорения семьи... – Мне пришлось выйти замуж за Томаса Саттона. Его семья давно хотела этого брака, хотя мои родные относились к нему недоверчиво. Но после случившегося с братом мне все равно не приходилось выбирать. Пришлось согласиться на этот союз.

– Расскажите про ваше замужество, Селия, – попросил Джон по-прежнему странно напряженным, ломким голосом. И воцарилась тишина.

Это был ад. И она вырвалась из этого ада, только со смертью Томаса. Она тогда упала на колени и возблагодарила Бога за свое избавление. Но невысказанно рассказать об этом Джону. Она и так слишком уязвима перед ним.

Селия пожала плечами:

– Замужество как замужество, по счастью, оно продлилось недолго.

– Это из-за него вам захотелось оторвать мне член?

Захваченная врасплох, Селия рассмеялась:

– Кажется, вы сами дали мне повод, Джон Брэндон! Вообще-то я хотела совсем не этого.

Он покосился на нее и улыбнулся с таким видом, словно и сам знал, что этой его части тела можно найти другое, более полезное применение.

– Ну а вы, Джон, были женаты? – спросила она. Впрочем, разве ей так уж хотелось знать ответ? Сама мысль о том, что Джон мог связать свою жизнь с другой женщиной, была ей невыносима.

– Вы же знаете, что не был. У меня слишком неподходящий для этого характер.

– Что, у кого-то он разве подходящий? Это просто жизненная необходимость, с которой нам приходится мириться. Только королева вольна делать свободный выбор, – проговорила Селия, не сумев скрыть зависти.

– И все-таки вы позволяете королеве устроить вам новое замужество, невзирая на все, что пришлось вытерпеть в первом, – произнес вдруг Джон с отчетливой злостью, сильно ее озадачившей.

Она пожала плечами:

– У меня снова нет выбора. Мой родной дом – Брайони-Мэнор – отошел к Антону, а вдовья часть совсем крохотная. Мне снова придется терпеть.

– Селия... – Он стремительным движением руки накрыл ее кисть, и когда Селия попыталась выдернуть ее, только крепче сжал пальцы. – Расскажите, как вы жили с Саттоном. Только правду.

– Я ничего не обязана вам рассказывать! – воскликнула она. – У вас нет права ничего у меня требовать, Джон. Буду вам очень благодарна, если вы сию минуту меня отпустите.

Ее взгляд упал на стек, висевший на седле.

– Вы бы с удовольствием сейчас применили его ко мне, правда, Селия? – спросил он резко.

Селия снова отдернула руку. Но он крепко ее удерживал. Ее приводила в бешенство легкость, с которой он все время поступал с ней по-своему.

– На этот раз не я вам делаю больно, – пробормотала она.

Его глаза сверкнули.

– Расскажите мне о муже. И обо всем, что с вами случилось с нашей последней встречи.

Процессия внезапно остановилась, и Селия с облегчением увидела впереди высокие ворота Харли-Холла, места их первого ночлега. Джон поднес ее руку к губам и поцеловал пальцы, обтянутые перчаткой. Она почувствовала жар его дыхания.

– Между нами ничего еще не кончено, Селия, – проговорил он.

Ей наконец-то удалось высвободиться.

– Ах, Джон, все это было так давно...

Глава 5

Селия облокотилась о зубчатую стену Харли-Холла, опоясывающую внутренний двор, и взгляделась в ночь. Час был поздний, даже Дарнли и его дружки разбрелись по кроватям, осушив предварительно винные запасы щедрого хозяина. Дом погрузился в тишину, но Селия не могла заснуть.

Она плотнее закуталась в широкий плащ и, запрокинув голову, смотрела на звезды. Как ярко они сияли в ледяном пространстве, словно по черному бархату рассыпали алмазы и жемчужины. В детстве она любила лежать в саду на спине и вот так смотреть в небо на звезды, представляя, как подпрыгивает все выше, выше и оказывается среди них. Летит между ними, и звездный свет влечет ее все дальше, и наконец она становится одной из них.

Теперь она хорошо понимала, что из цепких объятий этого мира вырваться можно только в мечтах. А варианты, предлагаемые здесь, на земле, суровые и малоприятные. Браки заключаются из соображений выгоды, и сердца нуждаются в защите.

Селия крепко, до боли в ладонях, схватилась за каменные перила. Почему Джон не может держаться от нее подальше? Зачем он ехал сегодня рядом, говорил с ней, смотрел на нее таким взглядом, словно ждал чего-то от нее?

Она уже давно усвоила, что самое лучшее – вообще ничего не чувствовать, оставаться невосприимчивой к происходящему вокруг. Но всякий раз при встрече Джон умудрялся пробиваться сквозь толщу льда, в который она облекла свое сердце, настойчиво, непреклонно, пока не начинала чувствовать кожей опаляющий жар.

Селия спрятала лицо в ладонях, отгораживаясь от ночи. Зачем он снова появился в ее жизни, напоминать о ее глупости?

Он заметил, как она смотрела на свой стек, и догадался, как сильно ей хочется причинить ему боль, заставить страдать, как некогда страдала она сама. Это первобытное желание напугало ее своей неистовостью.

Скорее бы закончилось это путешествие. Или пусть Джон снова исчезнет и перестанет терзать ее.

И тут, как назло, скрипнула и открылась дверь, ведущая на крышу. Она отняла руки от лица и замерла.

Разумеется, это мог оказаться кто угодно, но Селия не сомневалась, что в дверь вошел именно он, Джон. Селия почувствовала это каждым дюймом кожи, она почувяла его и поспешно придала лицу привычно равнодушное, безучастное выражение, за которым так удобно прятать тайные мысли, и обернулась. Она нисколько не удивилась, в самом деле увидев Джона, – он стоял прислонясь к дверному косяку, скрестив руки на груди и наблюдал за ней.

Несмотря на холодную ночь, он не надел плаща. Его малиновый бархатный камзол был небрежно расстегнут, белая сорочка наполовину расшнурована и распахнута на груди. Волосы растрепались и мягкими каштановыми кольцами падали ему на лоб.

Селия поспешно отвернулась, боясь, что глаза выдадут, какое смятение царит в ее душе.

– Я почему-то так и думала, что вы меня и здесь найдете, Джон Брэндон, – сказала она, снова взглядываясь в ночь невидящими глазами. – Вы, кажется, всерьез настроились мучить меня.

– Я бы сказал, что, напротив, это вы меня мучаете, Селия, – ответил он. – Я пришел бы сюда уже давно, если бы знал, где вы прячетесь. Просто хотелось сбежать куда-нибудь от ужасающего храпа моих соседей по спальне.

Ворчливые нотки в его голосе невольно заставили Селию улыбнуться, благо он не мог этого видеть.

– А я спасаюсь здесь от нескончаемой болтовни леди Элисон. Эта дама – неиссякаемый источник сплетен.

– Значит, здесь мы можем наконец-то свободно вздохнуть вдвоем, – сказал Джон.

Она услышала его тихие приближающиеся шаги по каменным плитам и напряглась, но он остановился в нескольких шагах от нее и так же, как она, облокотился на низкую стену, вглядываясь в темноту. Селия понемногу успокоилась и расслабилась, прислушиваясь к его негромкому ритмичному дыханию.

Не поворачивая головы, он произнес:

– У вас волосы растрепались.

Селия шевельнулась, непроизвольно вскинула руку и дотронулась до рассыпавшихся по плечам прядей:

– Не думала, что здесь кого-то встречу. У меня разболелась голова от гребней.

– Вы слишком туго стягиваете волосы.

– Мне не пристало разгуливать с легкомысленными локонами, как в девичестве, – усмехнулась она.

– Но не обязательно так их мучить, – сказал он.

Он придвинулся к ней и, протянув руку, нежно коснулся ее волос. Потом провел кончиками пальцев по всей длине волнистой пряди, свисающей до пояса. От этого прикосновения Селия ощутила тепло, и то, как напряглась ее грудь под корсетом, ставшим вдруг тесным. Ей вдруг пришло в голову, что Джон, словно хищник, завораживает ее взглядом, чтобы она не могла ускользнуть. Чтобы даже желания ускользнуть не возникло.

Медленно он обернул волосы Селии вокруг своего запястья и мягко притянул ее к себе:

– У тебя самые красивые волосы, какие я видел. Они такие же темные, как ночь. Мне часто снилось, как я их трогаю, целую, как они щекочут мне грудь, когда ты склоняешься надо мной, и я укрываюсь ими, как одеялом...

Селия резко втянула в себя воздух, и сердце у нее так и подпрыгнуло при воспоминании о том, как все это происходило в действительности. Она, оседлав его бедра, шатром набрасывала на него волосы и наклонялась, чтобы его поцеловать. Волна нежности пробежала по ее телу. Она попятилась, но его рука не отпустила ее.

– Расскажи мне про своего мужа, Селия, – проговорил он мягко, но настойчиво. И именно этот голос заставил ее замереть на месте, а не его рука.

– Теперь это уже не имеет значения, – ответила она, стараясь говорить ровно. И не упасть ему на грудь, не схватиться руками за его плечи. – Он умер.

– Давно?

– Около года назад. В ту осень в нашей округе свирепствовала лихорадка. Мои родители тоже умерли от нее.

Рука Джона скользнула вверх по ее волосам, он намотал локон себе на палец и провел им по своей щеке. Синие глаза его даже в темноте ночи ярко блестели. Селия зажмурилась и почувствовала, как вторая его рука обхватила ее за талию поверх плаща и медленно развернула, так что ее спина оказалась прижатой к его груди. И ей невыносимо захотелось уступить ему снова, чтобы не быть одной. Только ему, и никому другому.

– Но ты не заболела? – спросил он.

Сейчас, когда глаза ее были закрыты и Селия его не видела, а только чувствовала его пальцы на своей щеке, она ощутила вдруг странную свободу. И немного опустила свой щит.

– Я тоже болела, – сказала она и нахмурилась, вспомнив те ужасные дни.

Но его пальцы разгладили морщинку, возникшую между ее бровей, и снова рука опустилась на ее талию.

– У меня тоже была лихорадка, я мало что помню о своей болезни. Только кошмары и сильный обжигающий жар и жажду, которую никак не удавалось утолить. Помню, как мне хотели отрезать волосы, но я не дала.

– Слава богу, – пробормотал Джон, и ей показалось, что он на миг прижался губами к ее голове. – Отрезать такие волосы – это преступление.

– Я была единственная из наших, кто не умер от этой болезни.

– Это потому что ты – самая упрямая из всех, кого я знаю. Тебя и сам дьявол не затащит в ад. – Он проговорил это с гневом и горечью.

– Но он пытался, – горько усмехнулась Селия.

Джон прижал ладонь к ее волосам:

– А когда ты выздоровела, узнала, что твой муж умер?

– Да.

– Что ты стала делать?

И Селия, к своему изумлению, сказала правду:

– Я встала на колени в часовне и поблагодарила Бога... или дьявола, кто бы ни забрал его, за свое счастливое избавление.

Джон внезапно сжал ее плечи и снова повернул к себе. Она открыла глаза и увидела перед собой его лицо, охваченное яростью, неприкрытое лаком светского воспитания.

Селия испуганно отпрянула, но его хватка тут же ослабла, и лицо вновь стало невозмутимым. Он медленно привлек ее к себе и обхватил теплыми ладонями ее голову.

– Зачем ты вышла за него? – выговорил он. – Ведь твои родители не могли тебя заставить...

Она яростно затрясла головой и плотнее прижалась лицом к его груди, к мягкой льняной рубашке, стиснула в пальцах складки ткани, глубоко вдохнула его запах.

– У меня не было выбора, как и у родителей. После того как ты... исчез... – Она перевела дыхание и с силой сжала ладони в кулаки. – Ты и сам знаешь, что случилось у нас в семье. Это все знают.

Она почувствовала, как напряглись его мышцы. Он замер:

– Твой брат?..

Да. Ее брат. Бедный глупый Вилли оказался вовлеченным в дела, в которых ничего не смыслил.

– Он стал изменником. Принял участие в католическом заговоре с целью свергнуть королеву.

Очень странно, ведь ее семья никогда не отличалась набожностью и не слишком ревностно посещала еженедельные службы протестантской церкви. Брат вообще не выказывал интереса к подобным вещам. Но он решил поддержать своих незадачливых друзей, замысливших посадить на трон сестру Елизаветы, Марию. И это его решение так же пагубно отразилось и на ее жизни.

– Они даже не умели хранить свои секреты, – продолжала Селия бесстрастным голосом. – Их конечно же выследили и поймали, правосудие свершилось быстро. Уже через неделю он был казнен. Правда, поместье родителям оставили, но штрафы были наложены убийственные. Когда они умерли, поместье продали.

– Так ты поэтому вышла за Саттона?

Селия кивнула и снова уткнулась ему в грудь:

– Саттоны давно зарились на земельные наделы родителей, чтобы увеличить свои владения. Вот они их и получили, а заодно и меня, мое древнее имя и новые деньги.

А она получила два года супружеской жизни с Томасом Саттоном. Это стало ее казнью. Но даже накануне своего бракосочетания, готового свершиться под самыми несчастливими

звездами, до последнего мгновения она все ждала Джона, надеялась и молилась, верила, что была причина его внезапного исчезновения, ведь он любит ее и вернется за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.